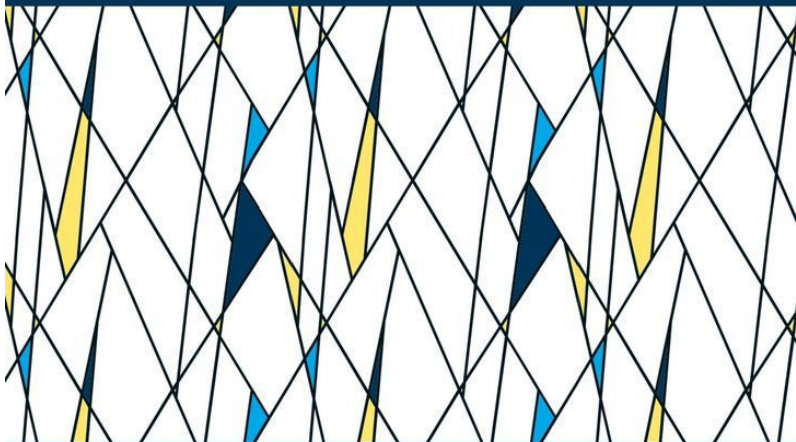

18+

Владислав Аркадьевич
АНТОНОВ

**ВЛАД И ЕГО
ВСТРЕЧИ
С РАБОТНИКАМИ
СПЕЦСЛУЖБ**

Владислав Аркадьевич Антонов

Влад и его встречи с работниками спецслужб

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243487
ISBN 9785005613363*

Аннотация

50-е годы характеризовались массовыми репрессиями. Всеобщая подозрительность, кругом шпионы и вредители, враги народа, Каждый третий был завербован в органы и следил за двумя оставшимися. Гремели процессы. Многочисленные митинги, где счастливые советские трудящиеся («советские трудящиеся» в газетах, радио принято было употреблять чаще всего со словами «счастливые») требовали казни шпионов и вредителей, таких же несчастных рабочих и крестьян, волею судеб оказавшихся в тюремных камерах. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ОБ АВТОРЕ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Влад и его встречи с работниками спецслужб

**Владислав
Аркадьевич Антонов**

© Владислав Аркадьевич Антонов, 2022

ISBN 978-5-0056-1336-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ АВТОРЕ

Антонов Владислав Аркадьевич, родился в 1942 году в деревне Веденицы Зуевского района Кировской области. Учился в Зуевской железнодорожной школе №37.

По окончании школы поехал в Свердловск, где с отличием окончил техническое училище при заводе «Электротяжмаш». Затем два года работал на заводе «Пневмостроймашина».

Зарекомендовал себя как хороший рабочий, выполняющий норму до 120%. Его фотография не сходила с заводской Доски почёта. В 1962 году поступил в Свердловский государственный медицинский институт. На пятом курсе женился. Жена Галина, педагог по образованию, коренная свердловчанка, с вятскими корнями. В 1968 году закончил институт, получил звание врача-педиатра и поехал работать на свою историческую родину в г. Зуевка. Устроился в районную больницу участковым педиатром. Молодой, грамотный, всегда хорошо одетый подтянутый врач выгодно выделялся на фоне сельских врачей, порой небритых, в поношенных свитерах, в далеко несвежих рубашках. Пользовался уважением у населения. В 1975 году поехал работать в Магаданскую область пос. Омсукчан. Работал райпедиатром, затем заведующим детским отделением на сорок коек. В 1983 году вернулся в Зуевку, работал подростковым врачом, заведующим инфекционным отделением. За время работы получил много благодарностей, в том числе «За многолетнюю работу по воспитанию подросткового поколения»

в комиссии по делам несовершеннолетних. Почетная грамота: «За пропаганду санитарно – гигиенических знаний среди населения». Ударник коммунистического труда.

Воспитывал двух сыновей. Оба закончили Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Старший – с отличием. Живут и работают в Москве. Три внучки. Красавицы, умницы, отличницы, старшая закончила школу с серебряной медалью. Учится в институте.

Но политическим взглядам убеждённый демократ. Еще в период коммунистического правления выступал с резкой критикой Советской власти и её вождей. Был поставлен на учёт в КГБ, много лет преследовался.

По характеру мягкий, доброжелательный человек, эмоционален. Не терпит несправедливость, ложь, фальшь. От природы наделён способностью видеть недостатки политической системы, недостатки людей и порой прямо сказать об этом. Одно из любимых занятий – чтение газет, книг. В настоящее время на пенсии. Живёт в Зуевке.

Первая встреча с гебистами у Влада Антипова состоялась в 50-е годы, когда он еще учился в начальной школе. Родился он в суровые военные годы.

50-е годы характеризовались массовыми репрессиями. Всеобщая подозрительность, кругом шпионы и вредители, враги народа, Каждый третий был завербован в органы и следил за двумя оставшимися. Гремели процессы. Многочисленные митинги, где счастливые советские трудящиеся (советские трудящиеся в газетах, радио принято было употреблять чаще всего со словами «счастливые») требовали казни шпионов и вредителей, таких же несчастных рабочих и крестьян, волею судеб оказавшихся в тюремных камерах.

Мать Влада была большая любительница праздников и часто устраивала вечеринки в честь того или иного события. Как говорится, был бы повод. Называла она эти вечеринки балами, Собирались родственники, друзья, пили вино, водку и веселились от души. Накопила деньги на очередной бал в честь 1-го Мая. Сказала соседке, что хочет устроить праздничный обед. Та с испугом посоветовала ей обратиться в райисполком» так тогда назывались городские власти, и спросить разрешения. Мать так и сделала. Разрешение дали.

И вот стол накрыт. Вино, закуски. Среди закусок, в основном винегретов и салатов обязательно сыр, как признак достатка в доме. Но его практически никто не ел. Не приуче-

ны с детства. Родились все в бедных крестьянских семьях, что существует такой продукт, как сыр, никто не знал. А если кто и знал, так считали, что это какой-то дорогой деликатес. Творог знали. Его иногда сами крестьяне делали. Мать в последних приготовлениях, в последних хлопотах, в ожидании: вот-вот должны прийти гости.

Жили они в небогатом доме, ограда и как положено, дверь в ограду. Но гости что-то задерживались. Мать выглянула в окно. Там наблюдалась такая картина. Перед дверями ограды столпились гости, а перед самыми воротами стоял какой-то совершенно незнакомый мужчина, как бы нечаянно загораживая дверь спиной и весело что-то рассказывал. Он специально ждал, когда соберётся побольше народу перед дверьми и тогда вместе со всеми зайти в дом, это будет не так заметно. Зашли, расселись за столом. Среди своих родственников оказались двое незнакомых мужчин. Один весельчак, другой какой-то неразговорчивый с довольно угрюмым взглядом. Среди гостей был брат матери Василий с женой. Оба педагоги. Василий одно время учился в школе милиции, да что-то у него там не заладилось и он ушёл оттуда. Брат Юра, работал машинистом, с женой. Двоюродная сестра Евдокия с мужем Сашей. Здоровый мужик. Василий был довольно общительный, весёлый человек.

Обладал незаурядным умом. Он сразу сообразил, что это за гости, и откуда они. Разлили водку. Первый тост сказал Василий. Он говорил долго, витиевато. Смысл был в том, что

какая у нас хорошая Советская власть и самое главное – мудрый вождь. Тогда Сталин ещё был жив. Всё как положено. Незнакомцы были довольны, Выпили.

Перед тостом весёлый мужик долго всем объяснял, про другого мужика, что он обладает каким-то свойством, что мол как выпьет рюмку, так сразу же падает без сознания. Это, мол, патологическое опьянение. Все слушали. Ну падает, так падает. Собственно, никому это не было интересно. И правда, после первой стопки этот мужик как-то неловко полез под стол, изображая, что он без сознания. А под столом голые женские коленки. Хоть и «без сознания» он был, но не утерпел и лапнул за коленку Евдокию. Та завизжала. Все забеспокоились, особенно её муж Саша, заподозривший неладное. Да и какой мужик будет хорошо себя чувствовать, если жена орёт. Он заглянул под стол и хорошо пнул этого мужика. Постепенно все успокоились. Были ещё тосты.

Пили, закусывали. Около стола вертелся и Влад. Благо пищи вон сколько, по голодным-то тем годам. Василий подмигнул Владу глазом и сказал: посмотри, что там под столом мужик делает. Влад, бесхитростный мальчик, встал на четвереньки, поднял свешивающийся край скатерти, и стал смотреть на мужика. Тот, видимо, почувствовал взгляд и открыл один глаз и этим глазом уставился на Влада, Влад на него. Так они смотрели друг на друга. Мужик попеременно смотрел то одним глазом, то другим. Влад вылез из-под стола и объяснил Василию, своему дяде, что мужик смотрит гла-

зами попеременно. После нескольких стопок все захмелели, Мать Влада начала кричать: «Танцевать, танцевать», «Мужчины приглашают дам». Начались пляски. Евдокия кружилась так, что её юбка – двенадцатиклинка развевалась, открывая ноги, но она её придерживала. Мать кружилась, её юбка – восьмиклинка также развевалась. Юра дробил каблуками. Пели частушки.

Мужику, что лежал «без сознания» под столом явно надоело это изображать, когда все кругом пьют и пляшут. Выбрался из-под стола, но участия в общем веселье не стал принимать, опрокинул себе в рот пару рюмок, начал оглядываться, как бы что-то выискивая.

Заметил Влада. Подошёл к нему и начал злобно спрашивать: «А ты пионер?» «А чо говорят учителя?» «А чо говорят твои родители?». Влад – от него, он за ним, повторяя эти вопросы. Влад стал бегать по комнате, мужик за ним. Влад не знал как отвязаться от него.

Наконец все обратили внимание на эту сцену. Наступила тишина. Начали совещаться, что делать. Думали недолго. Налили ему стакан водки. Поднесли. Он немного поупирался, для вида, а затем залпом выпил.

Веселье продолжалось. Через некоторое время этот мужик упал, но уже настоящему. По комнате распространился запах мочи. Обостялся. Веселье прекратилось. Стали думать, что делать? Сексота взяли за руки, за ноги вытащили в сени. Отатубеет. И правда, через некоторое время он ушёл.

пошатываясь. Затем исчез как-то незаметно и второй, его товарищ. После их ухода все начали спрашивать друг у друга: «А кто это были? Может, твои знакомые или твои?». Выяснилось, что их никто не знал.

Вторая встреча с работниками госбезопасности состоялась у Влада в классе 9-м. Но надо отметить, что раза два до этого каждый ученик в классе заполнял анкету, где было множество вопросов. Кто твои родители, чем они занимаются; и много других. Анкеты собирались классными руководителями. Куда их затем отправляли, кому нужны были эти сведения, не объяснялось

Однажды на урок пришла очень взволнованная учительница. Страх, испуг читался в её глазах. Она как-то путано объясняла, что скоро придет проверка, будут сидеть на уроке. Надо подготовиться. Все мы должны ответить на один вопрос: «Чему мы должны посвятить свою жизнь?». Ответы должны были быть примерно такие: «Посвящаю свою жизнь освобождению негров в Америке или борьбе за мир во всём мире». Влад должен был посвятить жизнь освобождению негров в Америке, У кого-то ответы должны быть полнее, у кого-то покороче. Например, умница и отличница в классе Инесса должна была выучить более длинный ответ. Что она с честью и сделала. И вот настал час икс. Все ждали его с трепетом. Вместе со звонком в класс вошли два мужчины, высокого роста, в синих галифе и хромовых сапогах. По тем временам хромовые сапоги было что-то. По их поход-

ке, по тому, как они зашли, чувствовалось какое-то превосходство, пренебрежение ко всем нам. Бесцеремонно развалились за партой. Это всех слегка шокировало. Не привыкли к такому. Бывали проверки, — завуч, например. Но всегда это делалось как-то тихо, уважительно. Но чтоб так бесцеремонно! Дрожащая от страха учительница стала спрашивать, чему мы хотим посвятить свою жизнь. Ученики бойко кратко отвечали, что посвящают свою жизнь борьбе за мир или освобождению негров. Лишь умница и отличница Инесса дала более длинный, более обоснованный ответ. Лет через тридцать, на встрече выпускников, Влад рассказал об этом уроке. Вспомнили, — да, был такой урок. Правда, никто за эти годы не освободил ни одного негра в Америке. И не боролся за мир во всём мире.

На встрече выпускников был один странный товарищ. Влад проявлял интерес к одному из соучеников Мише Кидалову. Где он да как. Ещё до встречи. И Миша Кидалов появился на встрече. Привела его соученица Люся Чирикова. Кто такая Люся Чирикова, я расскажу попозже. Люся подвела мужчину и представила: это Миша Кидалов. Странный был Миша. Всю дорогу молчал. А затем молча незаметно исчез. Мужчина действительно походил на Мишу Кидалова. Но только лишь походил. На одной из следующих встреч появился Миша Кидалов, настоящий, его сразу все узнали. Когда ему рассказали об этом случае, он удивился, сказал, что ни на одной встрече до этого он не был, сейчас он впервые,

а кто тогда был, не знает. Грубо, а порой просто глупо работают гебисты.

Следующая встреча с гебистами у Влада состоялась уже в институте, где он учился на врача. Это было примерно курсе на 4-м. Среди студентов в группе, где учился Влад, нашлись такие, которые говорили, что мы живём плохо, что за границей живут лучше, что Гитлер много хорошего сделал для своего немецкого народа. В Германии жили лучше, чем мы. Можно только предполагать, что, видимо, они общались с политическими заключёнными. Все эти разговоры дошли до соответствующих органов. Началась работа. Примерно треть группы была завербована в сексоты. Следили друг за другом. Авторитет чекистов в то время был высок. Газеты, радио, телевидение талдычило о чистых руках, о сердцах чекистов, и это при многочисленных концлагерях, когда сажали за каждое неосторожно сказанное слово и просто так без слов. Уничтожали людей миллионами. Но тогда об этом ничего не говорилось. А как романтично быть чекистом. Помогать бороться с врагами. Выслеживать, следить. Осознавать себя причастным к чему-то тайному, что знаешь только ты и посвященные. Этим самым ты как бы возвышаешься над толпой. Избранность, исключительность. Ты выше других. Поэтому следили друг за другом охотно. Но доходило до абсурда. Бывало зайдёт Влад в туалет по нужде, а через несколько секунд туда заскакивает товарищ из группы, сексот, якобы тоже по нужде, да видно же, что товарищ толь-

ко изображает нужду, на самом деле, следит, а действительно ли Влад по нужде зашёл, а не по каким-то там тайным делам. Убедился, по нужде, выскочил из туалета. Всех, кто зарекомендовал себя, как неблагонадёжный, брали на учёт. Ну, это те, кто слушал эти антисоветские речи, а может даже поддакивал им. Влад как раз принадлежал к их числу. Не говоря уже о тех, кто говорил такие речи. Несколько студентов 2—3 под надуманными предлогами исключили из института. Делали, например, так. Студенты дежурят на практике по акушерству в роддоме. Роддом был хороший, передовой по тем временам. Дежурили по ночам, когда роды будут, это же дело такое. И вот в одно из дежурств к студентам присоединились два человека, но уже без хромовых сапог, якобы из какой-то другой группы. В принципе, примерно, студенты все знали друг друга, а это были совершенно незнакомые и далеко не студенческого возраста. Среди студентов был один из тех, кто довольно критически относился к Советской власти и её вождям. Часть студентов как-то незаметно была оттеснена от него, отправили в другую аудиторию. Остался этот неблагонадёжный товарищ, да может 1—2 студента сексоты. Что они там делали, неизвестно. По отрывочным данным дали выпить водки. А затем вдруг шум, крики. Студент пришёл на дежурство пьяный. Скандал. Исключили из института. Он очень переживал. Сколько проучился и всё пропало. Но говорили, что дали ему фельдшерский диплом. Самим Владом серьёзно заинтересовалась КГБ. Здание КГБ

располагалось на центральной площади, немного в стороне, большое серого цвета, с железной кованой оградой. В народе говорили, что там под землёй наделаны подземные ходы, где расстреливали людей. Ведут человека по этому ходу, из-за поворота, или из какой-то ниши выходит гебист и стреляет ему в затылок. Такие ходили слухи. Влад проживал в комнате в общежитии. Вместе с ним жило ещё 3 студента, младше на курс.

И вот однажды один из них, Коля начал настойчиво выспрашивать Влада, с чем он любит чай пить, какое варенье. Влад, чтоб только отвязаться, сказал что клубничное. И вот в близлежащем к общежитию магазине появился в большом количестве болгарский клубничный джем. Это в период тотального дефицита, когда даже белый хлеб давали по талонам, короче по пайке. Вечером Коля стал пить чай с клубничным джемом и настойчиво предлагать попить чайку с джемом Владу. На соседней койке, прикрывшись одеялом, лежал какой-то совсем незнакомый человек. Ну лежит, так лежит. Влад за стол, налил чаю в стакан. «Бери джем, бери джем». Влад положил маленькую ложечку джема в стакан. «Бери больше. Бери больше», – настойчиво предлагал ему Коля. И видя, что Влад больше не брал джема, сам зачерпнул и положил Владу в стакан большую ложку джема. После выпитого стакана чая с джемом, у Влада поплыло всё перед глазами. «Плохо мне, плохо». Он едва дошёл до своей кровати, упал на неё. Как сквозь туман, едва слышал Влад отры-

вочные фразы: «Скорую» надо». Появилась скорая. Два здоровых мужика в белых халатах погрузили Влада на носилки и увезли на машине. Но куда увезли. К слову, санитары мужики на скорой никогда не работают. Обычно врач женщина и медсестра. Потом говорили, что ещё скорая приезжала. Настоящая. Им сказали, что скорая уже была и его увезли. Они очень удивились. К нам поступил вызов, мы сразу же поехали. Далее воспоминания у Влада носят смутный, отрывочный характер. А привезли его в это серое большое здание КГБ. Вводили психотропные вещества, гипноз, бесконечная череда вопросов, ужасные боли, судороги. Видимо электро-током пытали. Гебистам нужно было доказать, что тут действовала целая группа. Они раскрыли её. Всем медали, премии, повышение по службе. Настойчивые вопросы: «Скажи правду», «скажи правду». А как скажет правду, что нет никакой организации, подключали ток, были судороги. Им нужна была организация. Подсаживали молодую симпатичную проститутку. Она клялась в любви Владу, только скажи им, расскажи им всю правду. Помнит Влад разговор, что нельзя его больше так держать, начнутся необратимые изменения в мозгу. Всего держали недели две. Привезли обратно в общагу. Бросили на койку. Влад был так запрограммирован, чтоб проснуться в 7 часов утра и идти на занятия. Он так и проснулся. Попытался встать. Но такая слабость, вялость, что единственно, что он мог сделать, это чуть оторвать голову от подушки. Влад что-то пробормотал про время, чис-

ло месяца и снова заснул. Спал целые сутки. Пошёл на занятия. Это было на пятом курсе мединститута. Он много пропустил. Пропустил, когда изучали менингиты. Он их так и не знал, пока не начал работать в инфекционном отделении и тогда только он их изучил и даже досконально изучил.

Всё тайное рано или поздно становится явным, хотя б частично. Видимо, кое-что просочилось, дошло до преподавателей. И одни относились к Владу сочувственно, другие злобно. Злобные преподаватели, связанные с органами, как бы Влад не отвечал, ставили «тройку». В педиатрии ему сочувствовали и ставили «пятёрки». Вводили Владу и какой-то радиоактивный препарат, в область правого плеча. Дело было вечером в общежитии. Ему опять дали психотропное вещество, каким образом, Влад уже не помнит, но не в такой большой дозировке. Влад забалдел, стал как пьяный, но сознание сохранилось. Один или два человека его держали, а сокурсник Васька Одиноких что-то ввёл в правое плечо. Запомнились Владу слова: «Если спросят, что делали, скажи, что Манту. Странное Манту, – два человека держат, а один вводит в комнате без свидетелей. Манту всегда в мед. кабинете делается. Потом ноги у Влада болели, кости. В общем, работали гебисты очень грубо и порой глупо. Видимо, далеко не лучших людей туда подбирали. Студенты ушлый народ. Всё это они узнали, что Владу ввели радиоактивный изотоп и какое-то время держались от него на расстоянии. Медики изучают действие радиации и защи-

та от неё. Одна из защитных мер, защита расстоянием. Вот они и держались на расстоянии. А с чувством юмора у студентов всё обстояло нормально. Они быстро дали название «меченый атом». В медицине применялись для диагностики меченые атомы. По некоторым данным, не одному Владу вводили радиоактивный препарат, Но потом пошли разговоры, учёные мужи стали возмущаться, что радиация плохо влияет на организм, что её действие до конца ещё не изучено и нельзя применять на людях. То, что вводился радиоактивный препарат, подтверждает ещё один пример. Влад находился на учёбе в областном центре по линии военкомата. Учился он на военного хирурга. С ним было ещё несколько курсантов. Жили в каком-то общежитии. Бездельничали. Играли в карты, иногда выпивали, слонялись по городу, отдыхали на пляже. Кстати, когда в очередной раз валялись на пляже у реки, в реке начал тонуть мальчик. Он уже захлебнулся. Влад первый бросился в воду, вытащил мальчика из воды, начал откачивать. Помогали и курсанты. Все врачи. Первую-то помощь утопающему сумеют оказать. Кто-то вызвал «скорую». Скорая приехала. 4—5 курсантов голые, в одних плавках полезли в машину усаживать мальчика на место. Врачиха, увидев, что к ней в машину лезут 5 голых мужиков, пришла в ужас. Заорала, начала их выталкивать из машины. Мальчика увезли. Да он был уже в нормальном состоянии.

И вот однажды группа курсантов, в том числе и Влад, ско-

рее всего в поисках пива а при коммунистическом правлении и пиво порой непросто было найти, шли по базарной площади. Пустынно. Только ветер гонял по асфальту обрывки бумаг да какой-то мусор. Впереди на скамейке замаячили три пьяненьких мужика, о чём-то оживлённо разговаривающих. Один взглянул на группу гуляющих молодых мужиков, вначале мельком, затем стал более внимательно смотреть. Сунул руку в карман, что-то достал оттуда. Начал смотреть то на руку, то в сторону мужиков, и так несколько раз. Затем он встал и решительно направился к Владу. Влад понял, что это по его душу. Мужик подошёл к Владу, поднёс правую руку вначале к левому плечу Влада, потом к правому. Как заметил Влад, на руке у мужика был надет какой-то приборчик, значительно больше часов. Мужик внимательно посмотрел на приборчик. Начал приставать к Владу. Что-то выкрикивал. Курсанты остановились, молча стали смотреть на мужика. Перевес был явно на их стороне. Мужик трусливо оглянулся и трусцой ретировался к своим собутыльникам. Надо полагать, что всем сексотам, стукачам были розданы фото Влада, и на руке у сексота был дозиметр. Он измерил радиоактивность, чтоб удостовериться, что это тот человек. И было дано указание делать этому человеку мелкие пакости, ну может оскорблять или ещё чего. Только так можно объяснить этот случай.

В институте ещё один случай был. Станный экзамен. Видимо, он проводился с целью завалить неугодных студен-

тов с дальнейшим их отчислением из института, или просто поиздеваться над ними. Студенты народ ушлый. Они уже знали, что будет какой-то экзамен. Будут двойные билеты. Одни для одних, другие для других. Вопросы будут каверзные. Но точно, что будет, никто не знал. Сидеть, мол, будут какие-то экзаменаторы, которые сами ничего не понимают. И можно билеты менять. И говорить им можно что попало, они совершенно тупые. Студенты всё знали. Может, был уже такой экзамен в другой группе, может какой-нибудь порядочный преподаватель тихонько подсказал студентам.

И вот экзамен. Заходит Влад. За столом двое мужиков с военной выправкой с враждебными взглядами и один преподаватель с кафедры. Влад взял билет, прочитал. Глаза его округлились. Первые два вопроса так сформулированы, что понять ничего невозможно. Какая-то абракадабра, да и отношение к медицине они имели косвенное.

И только третий вопрос чисто медицинский и сформулирован так, как положено. Влад бросил билет, взял другой. То же самое. Бросил, взял третий. Ещё хуже, третий вопрос нормальный, о гриппе. Ну, сколько можно бросать. Все такие.

Странно, когда Влад бросал билеты, экзаменаторы не шелохнулись, ни один мускул не дрогнул на их лицах. Видимо, так были проинструктированы.

На нормальных экзаменах попробуй брось билет, возьми другой. С экзамена тебя вышвырнут. Это не теперешнее вре-

мя, когда за деньги можно купить любую оценку. Влад сел готовиться. Вопросы невозможно понять, фразы какие-то вычурные, даже ближе не к медицине, а к идейности. Тут он вспомнил, что говорили студенты. Зачитал первый вопрос и начал молотить, что в голову приходило, стараясь почаще вставлять фразы из вопроса. Это у него как-то инстинктивно получалось. Ответил на первый вопрос. «У Вас всё?» «Всё». «Давайте второй вопрос». Это всё говорил преподаватель. Два же мужика сидели как мумии. Никакой мимики. Ни одобрения, ни озлобления. Вообще на лицах не написано никакой мысли. Второй вопрос. Влад молотил всевозможную хренотень. Мужики как мумии. Похоже, только преподаватель тайно усмехнулся. Вот тут Владу не ясно. У преподавателя взгляд был вроде враждебный, и кажется, никакого сочувствия. Но в то же время он не остановил Влада, какую чушь ты несёшь, не выгнал его. А может, нельзя было проявлять ему сочувствие. Прояви сочувствие к врагу народа. Неприятностей не оберёшься. Ну а на третий вопрос о гриппе Влад ответил, как от зубов отскакивало. Но поставили тройку. Одна из мумий задала какой-то вопрос по бумажке, из такой же серии. А так как Влад уже выдал всю хренотень, он быстро не мог ничего сообразить, а лишь что-то вяло пробормотал. За это, наверное, и поставили «тройку». Вышел из аудитории. Сразу же обступили его сокурсники: «Ну как?». «Да три шара выкатил», – сказал Влад недовольно. Но вообще-то тяжёлое впечатление осталось от этого эк-

замена. Угрюмые, злобные, враждебные мужики, выдававшие себя за преподавателей. Видно было, что никакого отношения к медицине они не имели. Всех преподавателей студенты в лицо знали. Скоро среди студентов стало известно, что таких экзаменов больше не будет, запретили. Кто и почему запретил, это никого не интересовало. Всё тут же забыли. Да у студентов дел выше головы. Лекции, практические занятия, семинары, зачёты, наконец, экзамены. Да надо с какой-нибудь девкой познакомиться, сходить куда-нибудь с ней в кино, театр, ресторан, наконец. Раньше ресторан не очень дорогой был. А сутки не резиновые. Поспать хоть часов шесть, всё равно надо.

Кафедрой биологии заведовал профессор Шмелёв. Высокий, приятной внешности. Умница мужик. Лекции читал замечательно. Можно сказать, талантливо. Среди студентов шли разговоры, что выслан он из Москвы на периферию за политику.

В это время среди умной, грамотной интеллигенции началось брожение, в том плане, что живём мы не очень хорошо. За границей живут лучше, А почему? Ну и в таком духе. Читал он лекции на 1 -2 курсах. Кафедра располагалась в старом обветшалом здании, там же и лекции читались. Потом этого профессора отправили ещё дальше, в Тюмень. Там открывался медицинский институт.

Прошло три года. И вдруг студентам сообщают, что приехал этот профессор, и будет читать лекцию. Явка всех обяза-

тельна. Лекция должна была состояться в том же ветхом здании хотя здание ввиду ветхости было уже закрыто. Лекция никому не была нужна, никто не хотел на неё идти, но студентов загоняли туда чуть ли не силой. В зале пыльно, грязно. Видно, что нежилое здание. Выходит профессор. Начинает читать лекцию. Студенты с интересом смотрели на профессора. И вдруг как шорох пронеслось по студенческим рядам, — «Да это не он, не Шмелёв». Ушлые студенты сразу раскусили этот трюк. Да, походит, очень походит. И слова растягивал, как настоящий профессор; «Коацерваты, коацерваты», — до сих пор помнит Влад эти слова, хоть прошло уже 40 лет. Актёр старался, был тщательно загримирован под Шмелёва. Даже в левом халате пачка папирос «Беломорканал». Ну, всё как у настоящего. Он прошёл через весь зал, тщательно растягивая слово «коацерваты»; и демонстрируя всем левый карман с пачкой папирос. Остановился около Влада, ему продемонстрировал левый бок халата с пачкой папирос. Надо отдать должное, Влад с интересом посмотрел на карман с пачкой папирос. Интерес у студентов упал и к этому профессору, и к его лекции. Начался шум, разговоры, смешки. Какие-то люди в штатском забежали по залу: «Тихо, тихо». 2—3 настоящих преподавателя, которых знали студенты, испуганно жались у стенки. А студенты что, надо сидеть, значит надо. Отсидели, отбалдели, лекция закончилась, разбежались кто куда. А цель данного спектакля какая была?

А очень простая. Антисоветски настроенные студенты к кому потянутся? — ясно, к антисоветски настроенному профессору. А это уже антисоветская организация. А тут — бдительные гебисты раз, и прихлопнули её. А это премии, звания. Но не бросились антисоветские студенты к антисоветскому профессору. Не получилась организация. Прокол в работе. Таков вот советский дебилизм.

Ещё одна странная вещь наблюдалась на этой «лекции». Два года, перед поступлением в институт, Влад работал на заводе слесарем в цехе. Недалеко от него работал такой же слесарь Саня. Влад иногда разговаривал с ним. Тот рассказывал о себе, о своей семье, детях. Правда, иногда рассказы у него были какие-то путанные. Как выяснилось впоследствии, не было у него ни семьи, ни дома. Об этом он просто мечтал. Страдал он каким-то психическим заболеванием. Влад поступил в институт и об этом человеке практически забыл. Так вот, во время этой «лекции» два человека вытащили на сцену, — там в зале была небольшая сцена, — с которой и читались лекции, какого-то человека. Посадили его на стул и стали о чём-то его довольно злобно спрашивать. Да Влада доносились только отдельные фразы: «Кого ты здесь знаешь? Назови», Слышались угрозы в его адрес. «Хочешь, мы отправим тебя снова в психушку» Называлась какая-то психушка. Видно, что человек был сильно напуган, читался ужас, страх на его лице. Как впоследствии выяснилось, были такие закрытые психушки, где содержались инакомыс-

лящие, где их избивали санитары и вводились такие препараты, от которых у человека поднималась температура тела; кроме того, возникали судороги. Больной корчился в ужасных, судорогах. Ноги и руки у него привязывались к кровати. Его всего выгибало, выворачивало, глаза вылазили из орбит. Данный препарат был запрещён. Но у нас его применяли для лечения шизофрении, ну и для диссидентов. Когда Влад проходил психиатрию, в частности, практику, студентам показывали таких больных., Хотя с тех пор прошло более 40 лет, но до сих пор перед глазами Влада стоит этот корчащийся в судорогах больной. Больные были в ужасе от этого препарата. Психиатрия использовалась коммунистами в карательных целях. Влад пригляделся, что делалось на сцене, ему показалось, что человек на сцене – это тот самый слесарь Саня. На мгновение они даже встретились глазами. Но Влад не стал вникать в данную сцену. Ему было всё это не интересно. Быстрее бы заканчивалась эта лекция. А там надо бежать в столовую, готовиться к следующему дню, свидание с девушкой назначено и множество других неотложных дел. Не до каких-то сцен. Лишь позднее, осмысливая всё это, он понял, чего добивались от больного Сани. Чтоб он показал на Влада, а может, чтобы и оговорил его. Что они связаны, вели разговоры антисоветские. А это уже организация. Но, похоже, им это не удалось. Не захотел Саня оговаривать Влада, а может, сделал вид, что не узнал его, несмотря на все угрозы. Если это так, то надо отдать должное мужеству этого

человека.

Всё это творилось при уважаемом вожде Л.И.Брежнев и под руководством компартии – ума, чести и совести нашей эпохи, В психбольнице при прохождении цикла психиатрия, был ещё один случай.

По ходу занятий группе студентов, среди которых был и Влад, нужно было пройти через одну проходную палату в другую. Перед дверями проходной палаты преподаватель остановил группу и долго, порой туманно объяснял, и как поняли студенты, – здесь лежат какие-то особенные больные, ни слушать их, ни разговаривать с ними нельзя было, в общем, порядком всех запугал.

Студенты гурьбой, быстро, чуть не бегом через эту палату. Все больные лежали неподвижно. Ни звука, ни шороха, ни поворота головы. И лишь один больной приподнял голову и тихо медленно произнёс одну фразу. До сих пор она звучит в ушах Влада; «Не бойтесь, мы такие же люди». Сопровождающие группу санитары тут же набросились на него и стали его бить, тщательно загораживая его спинами от студентов. Только значительно позже Влад понял, что лежали в этой палате диссиденты, инакомыслящие.

В общем, умные люди. А умные люди коммунистам не нужны были. Им нужны были люди ограниченные в умственном отношении. Их легче было оболванивать сказками о светлом будущем, и вдалбливать в их головы, как хорошо и счастливо они живут.

Во время учёбы в институте у Влада была ещё одна встреча с чекистами. Всем выпускникам мединститута присваивалось офицерское звание. Но где-то на 5-м курсе будущий врач должен пройти службу 2—3 месяца в летних лагерях при штатной дивизии. Штатная дивизия имела весь набор офицеров, какие положено, и несколько десятков солдат для несения караульной службы. В военное время быстро набирали через военкоматы солдат и всё, дивизия укомплектована

Наступила очередь послужить в армии и Владу. Сдав последние экзамены весенней сессии за 5-й курс, студенты-юноши собрались около института,

Вскоре подали крытые брезентом машины. Быстро погрузились и поехали. Ехали долго. Машины ездили, петляли по пригородным дорогам, может, часа 2—3. Запутывали следы. Чтоб не знали, куда их привезут. Наконец, приехали. Выгрузились из машин. Студенты, без пяти минут курсанты, огляделись кругом. Ну кого хотели обмануть, ушедших студентов. Не прошло и минуты, как они уже сориентировались на местности. «Да вон там, через два квартала, трамвайная линия. Остановка какая-то». Дивизия располагалась прямо в городе, на окраине. Влад прикинул, до дома ему всего несколько трамвайных остановок. В это время он был уже женат. Жил с женой у неё в родительском доме. Переодели в военную форму, кирзовые сапоги, портянки, пилюльки, галфе, гимнастёрку. Всё как положено. Развели по палаткам.

Кормили в столовой, надо сказать, вполне сносно, довольно сытно. Работой не обременяли. Курсанты валялись на постелях, бегали в самоволку. Разбирали и собирали автомат. Были построения. Одевали и снимали противогаз, – в общем, на службу Влад не жаловался. Однажды показали всё стрелковое оружие, автоматы, пулемёты. Выложили на столах.

Влад нерешительно потрогал пулемёт. Уж очень он ему понравился. Какой-то офицер заметил это, поощрительно улыбнулся, глядя на Влада: «Возьми, возьми, поддержи».

Когда бегали в самоволку, в общем-то, за это не наказывали, да похоже, старались особо и не замечать. Влад не раз, одев трико поверх галифе, перемахнув через забор, да к жене. Она была в положении своим первенцем. Но бывало, что засекали строевые офицеры курсанта в самоволке. Тогда выстраивал всех свой офицер, командовал: «надеть противогазы, снять». Одеть, снять. А строевой офицер ходил вдоль строя, вглядываясь в лица.

Да, в противогазах все рожи одинаковы. Так ни с чем и уходил. Но не пили. Лично Влад за всё время ни грамма спиртного. Да вообще, среди студентов пьянства не наблюдалось. Так, после сдачи сессии, бутылку какого-нибудь портвейна на несколько человек.

Парад даже был. Вначале готовились к нему. Ходили строем, поворачивались, отдавали честь. Но всё это было не обременительно. Влад с удовольствием топал по плацу сапогами, поворачивался, отдавал честь. Ему это все было зна-

комо ещё со школы. Учитель по военной подготовке у них был хороший.

Наконец парад. Начистили сапоги потуже подтянули ремни. Чеканя шаг строем, прошли перед трибуной, где стоял командир дивизии с офицерами. Одно слово – орлы. Влад старательно припечатывал начищенными кирзачами плац, орал «ура», когда надо было. Всё как положено.

Влад заметил тенденцию, – может, ошибался, что строевые офицеры недолюбливали гебистов. В конце срока пребывания в лагере были стрельбы из автомата и пистолета. Стреляли курсанты вполне удовлетворительно. Влад выстрелил из автомата и пистолета на отлично. Стреляли по очереди. Выдавалось по три патрона. Курсант выходил на огневой рубеж.

Докладывал, что к стрельбе готов. Давали команду, и он открывал огонь. На стрельбах произошёл случай. Один курсант, звали его Гришей, чуть не покончил с собой.

Гриша был невысокого роста, неразговорчивый, почти не общался с окружающими. У него не было девушки. В дополнение ко всему Гриша занимался онанизмом, да так, что скрипела кровать. В общежитии это всем было известно. А в те времена онанизм считался большим грехом и позором. Поэтому над ним подсмеивались и за глаза называли «Гришка-онанист». Надо отметить, что половой член у Гришки был прямо таки огромного размера. Об этом тоже знали все. Бани-то общие. И Гриша страдал, как сейчас

выразились бы, комплексовал, и по поводу онанизма, знал, что позор это, но остановиться не мог, и по поводу своего огромного члена. В наше-то время иметь большой член – это достоинство, можно большие деньги зарабатывать, а тогда...

Дошла очередь стрелять Грише. Вышел на огневую линию. Выстрелил раз, другой, затем согнул руку с пистолетом, поднёс пистолет к своей груди, зачем-то подул в ствол, – он всё ещё дымился, – и начал медленно поднимать ствол к голове. Но тут к нему подбежал военный и отобрал пистолет.

Недалеко от стрелявших курсантов стояли офицеры. Среди них выделялись 3 офицера. Они стояли несколько отдельно, в общевойсковой форме, без знаков различия, в накидках. Подошла очередь Влада. Выдали три патрона. Начал стрелять. Он уже выстрелил два раза, целился в мишень, чтобы выстрелить третий раз как вдруг к нему подскочил офицер в общевойсковой форме без знаков различия, в накидке, схватил за кисть и начал её крутить. Влад в недоумении вытаращил глаза: «Что за дурак схватил его за руку?». А тот всё вертел кисть у Влада с расширенными от недоумения глазами Влад обернулся к военным: «Да уберите этого дурака, он же мне кисть вывернет». Раздалась короткая команда, и военный отскочил. Что за нелепая сцена? Нет, она полна глубокого скрытого смысла. Со стороны может показаться, что курсант хотел перестрелять (одним патроном) всех офицеров, а этот офицер предотвратил это, схватив курсанта за кисть. И не офицер крутил кисть Влада, а Влад выво-

рачивал свою руку с пистолетом из рук бдительного гебиста. У Влада сложилось стойкое убеждение, что в гебисты шли не самые умные и порядочные люди. Может, там и были умные и порядочные, но Влад таких не встречал.

Наконец, закончилась учёба в институте. Выдали диплом, значок врача и Влад с женой, годовалым сыном и двумя чемаданами имущества, поехал к месту своей работы. А поехал он на свою родину, в свой родной город. Родственников в городе было много. Квартиру сразу не дали. Пришлось год пожить у матери. А затем квартиру дали, правда, сначала однокомнатную, а через год – другой и двухкомнатную, а ещё через пару лет и трёхкомнатную.

Жена устроилась в школу преподавателем, – помог Василий, брат матери Влада. Как уже говорилось, у него был незаурядный ум и масса знакомств. Влад устроился в детскую консультацию районной больницы педиатром.

Работа шла хорошо. Педиатр мужчина, всегда хорошо, опрятно одетый, он пользовался авторитетом у мамочек. Ему даже предложили работу секретаря комсомола больницы. Влад отказался. Это была надуманная организация, молодёжь серьёзно её не воспринимала. У каждого были свои заботы, интересы. Комсомол молодёжи был до фени. Жена родила второго ребёнка. Работа, домашние дела, хлопоты. Жили небогато. Хотя Влад работал на полторы ставки, жена вообще пропадала в школе с утра до вечера, за что периодически получала нагоняи от мужа, – денег не хватало.

Зарплаты были низкие. А надо всё купить, — одежду, продукты, телевизор, холодильник. Везде очереди. В ходу было слово «достать». Не купить, а достать. Руководство страны знало, как бьётся в очередях народ, да видимо им было это до фени. В газетах в основном лозунги и призывы, дифирамбы вождям, статьи, как хорошо и счастливо живёт народ, о передовиках производства, сколько всего произвели, вспахали, засеяли, надоили. Выходило, что много. А хлеба, молока не хватало. Проходил очередной съезд партии, решающий и судьбоносный, сменялся очередной вождь, учитель и отец родной, — у народа ничего не менялось. Социалистическая система шла в тупик.

Народы видели, как живут при капиталистическом строе, сравнивали и сравнения были не в пользу социализма. Владу от природы была дана способность видеть все недостатки политической системы и недостатки людей. К тому же он очень много читал. Прочитывал всё, что попадало ему на глаза: газеты, журналы, книги. И в результате у него сложилось стойкое предубеждение ко всей этой системе, где в основе были, главенствовали ложь, фальшь, демагогия. И Влад пишет в семидесятых годах статью в центральную газету о недостатках политической системы, Статью, конечно, не напечатали, но и преследовать не стали. Прошло какое-то время, может полгода, год. Влад снова пишет статью в газету, но уже довольно резкую, в том числе и о вожде, отце родном, Л.И.Брежнев. Владу просто надоело читать в газетах дифи-

рамбы, восхваляющие вождя. Какую б газету ни открыл, везде статьи о вожде, учителе, отце родном. Написал анонимно. Вечерами писал, печатными буквами. Обработал табаком, да ещё в конверт несколько табачных крошек бросил. А зачем табак? Влад где-то вычитал, что можно найти человека, дав понюхать конверт собаке. Определённый круч подозреваемых, – и собака найдёт среди них. А чтоб не определили, откуда письмо отправлено, бросил его в проходящий почтово-багажный поезд. Отправил его опять же в центральную газету. Прошло какое-то время. Влад начал замечать вокруг себя какую-то нездоровую возню. Косые взгляды некоторых коллег, главного врача. Как выяснилось позднее, некоторых его коллег уже вызывали в КГБ, где расспрашивали о Владе. Главным врачом был некто Балалайкин Саня. Хитрый, изворотливый тип. Залез на эту должность благодаря своим связям. Старого главного врача уволили, а поставили Балалайкина Саню. Он только что окончил мединститут, и без опыта работы, да сразу на должность главного врача крупной районной больницы. По предположению Влада, связан он был с гебистами. Они своих людей продвигали. Жена Балалайкина работала в школе завучем. А точнее, только числилась. Она, постоянно то якобы болела, больничный лист, то уедет в санаторий, обязательно в учебное время, то отпуск без содержания возьмёт, но грамоты за хорошую работу исправно получала. Однажды вызвал Балалайкин Влада и сообщил ему, что тебя вызывают в отделение КГБ. Влад почему-то ни-

сколько не испугался, был совершенно спокоен, не чувствовал за собой никакой вины. Наивный, он и не знал, что как говорят юристы, был бы человек, а статью найдём. КГБ располагалось на 2-м этаже двухэтажного деревянного здания. Где-то в 50-е, да ещё в 60-е годы перед ним всегда стояла пара паровых двигателей. Годами стояли. Говорили, что их заводи́ли, чтоб заглушить крики истязаемых. А на первом этаже, где-то под лестницей, располагалась тёмная комната, куда садили подозреваемых и где они сидели по несколько суток в полной темноте и изоляции. Влад зашёл в здание, поднялся на второй этаж. Там была обширная приёмная, стоял стол с пишущей машинкой, за столом сидел молодой работник, секретарь. Он довольно вежливо, с улыбкой встретил Влада, сказал, что учился в одной школе с Владом и предложил пройти в другую комнату. Влад зашёл. Комната была очень больших размеров. Вдоль одной стены сплошь стояли столы, за ними стулья. Вдоль другой стоял один стол, за которым сидел гебист. «Проходи, садись». Влад с удивлением огляделся, – а куда садиться? Стулья загорожены столами. Гебист встал, раздвинул столы, образовался узкий проход, молча показал Владу. Влад протиснулся, гебист снова сдвинул столы. Никуда не убежишь. Сзади стена, впереди столы. Заперт. Начался допрос. «Ты писал? Сознаться». «Здесь не шутят». Встал, зашагал по кабинету. Остановился возле Влада, достал пачку сигарет, открыл, вытащил одну, закурил. Затем он начал щёлкать по днищу пачки, чтоб ещё выскочи-

ла сигарета. Сигареты выскакивали, но всё не те, он их записывал обратно. Наконец это ему надоело, он вытащил наполовину нужную сигарету, предложил закурить Владу. Влад отказался, чисто инстинктивно. почувствовав что-то неладное. Чтоб окончательно сломить Влада, что они всё знают, гебист начал рассказывать, как Влад писал эту бумагу. Чувствовалось, что над ней поработали учёные эксперты. Волновался, курил нервно мял сигареты, ещё что-то он долго молотил. Влад его выслушал, сделал паузу и спокойно так: «Так это ваши фантазии. А табак я насыпал» чтоб собака не унюхала». Гебист так и застыл на месте, с перекошенным лицом. Кстати сказать, писал Влад эту бумагу совершенно спокойно, иногда, смеялся, – в бумаге присутствовали элементы юмора. А насчет табачка Влад не ошибся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.